

Газета «МК» (18 и 19.07.07 г.) напечатала большой материал «Заговор банкиров», в котором рассказано кем и как осуществлялось разрушение банковской системы СССР — основы кредитно-финансовой системы государства, и названы конкретные лица. Со слов очевидцев и участников тех событий видно как для разрушения банковской системы СССР применялись структурный и безструктурный методы управления, о которых подробно изложено в КОБе (ДОТУ).

*«Дайте мне управлять деньгами любой страны,
и мне нет дела до того, кто и какие законы в ней изобретает...»*

Мейер Ротшильд

Газета «МК» (18 и 19.07.07 г.) напечатала большой материал «Заговор банкиров», в котором рассказано кем

и как

осуществлялось разрушение банковской системы СССР —

основы кредитно-финансовой системы государства, и названы конкретные лица.

Со слов

очевидцев

и участников

тех событий видно как

для разрушения

банковской системы СССР применялись структурный

и безструктурный

методы управления,

о которых

подробно изложено

в

КОБе (ДОТУ).

Ниже мы приводим полный текст статьи с некоторыми сокращениями. Рекомендуем использовать данную информацию

в своей

работе, особенно довести её до управленцев различных уровней

в ваших

регионах.

ИАС НД «КПЕ»

«МК», 18 и 19.07.2007 г.

Николай Кротов, Александр Гришин

”Заговор банкиров”

Развал Союза фактически произошёл за 500 дней до Беловежских соглашений

К распаду СССР в нашей стране до сих пор нет однозначного отношения. **Либералы считают** ЭТОТ
исторический факт
благом
. Консервативные слои населения
(в том
числе большинство
людей старшего поколения
) —
злом
, которое до сих пор
не могут
простить Ельцину.
Молодежь самостоятельного
аргументированного
мнения
по этому
поводу
не имеет
, поскольку
в тот
период времени
в лучшем
случае загрязняла пелёнки.
В одном
все уверены
совершенно точно: это случилось
8 декабря
1991 года
, когда
Ельцин подписал
так называемые
Беловежские соглашения
.
И придворные
историографы,
и жгучие
оппозиционеры, клеймящие “банду Ельцина”, готовы
в клочья
порвать последнюю рубашку, отстаивая эту дату.
И совершенно
напрасно. Потому

что

фактически распад СССР произошёл

на 500 дней

раньше

. Если точно,

то на 513 —

13 июля

1990 года

. Именно этим числом датируется принятие Постановления Верховного Совета РСФСР
“

О Государственном

банке РСФСР

и банках

на территории

республики

”

.

И многие

из тех,

кто проклинает Ельцина

за распад

страны,

в тот

день поддержали его

и голосовали

за роковое

решение.

Не на жизнь, а за деньги

Чтобы понять, что произошло в тот день и почему, надо вспомнить общую политическую
ситуацию в стране в переломный **199**

0 год

. Это был

период пика борьбы молодого российского руководства

с Центром

(так тогда называли правительство СССР). Вся

страна разделилась

на сторонников

и противников

Горбачева

и Ельцина.

Летом

1990 года

Ельцин стал председателем Верховного Совета России

. Политическая ситуация кардинально изменилась: основной соперник Горбачева из отставного функционера-бунтаря превратился в государственного мужа. Схватка за власть разгорелась с новой силой.

Николай ПЕТРАКОВ, академик, помощник Президента СССР*: **“В 1988 — 1989 годах уже можно было купить любого чиновника**

. Началось

растление капиталом

. Диктат пропал,

и либеральная

интеллигенция заголосила про рынок,

о котором

она имела совершенно дурацкие представления: человек должен быть экономически свободен, нам нужны новые экономические отношения.

А рынок —

это прежде всего собственность.

И бюрократы

понимали это лучше, чем любой экономист-затейник со степенью.

Они сразу сообразили: нужно, чтобы

валяющаяся

под ногами

госсобственность стала их

и чтобы

за это

ничего

не нужно

было бы

выкладывать

”.

Противостояние охватило все направления и наиболее острым оно было в сфере **управления финансами**

.

До лета 1990 года в СССР существовал Госбанк с сетью отделений, доходящих до всех районов страны.

Сеть сберкасс работала с населением

. Появившиеся

в 1988 году

три так называемых

спецбанка —

Промстройбанк, Агропромбанк и Жилсоцбанк

, —

хотя

и числились

самостоятельными, были фактически

подразделениями Госбанка

.

По словам Валентина Павлова, министра финансов СССР, **Госбанк “представлял собой единый расчётно-кассовый центр**

. Он контролировал оборот

и позволял

снизить издержки

на расчётно

-кассовых операциях, минимизировать наличные деньги, централизовать инкассаторскую службу, концентрировать ресурсы

и т. п.

Но главное —

Госбанк СССР обеспечивал кассовое исполнение бюджета

.

Поэтому **вопрос о том, куда делись бюджетные деньги**, в советской системе просто **не мог**

возникнуть

! Любая

попытка их “увода”

на сторону

немедленно

попадала бы

под

статью Уголовного кодекса

·
Украсть можно только тогда, когда система позволяет это сделать
”
·

Две сотни коммерческих банков, созданных за два года, в 1990 году ещё **были слабы**, чтобы играть значимую роль в экономике страны. Они **обслуживали кооператоров**, наиболее **смелые** проводили операции по превращению **безналичных денег в наличные**

·
Большинство новых российских **банкиров** не просто **были неопытными**, но и даже **не имели элементарного финансового образования**. Они исполняли столь незаметные роли в экономической жизни страны, их ещё не стреляли. Стрелять стали гораздо позже. Зато **государственные спецбанки имели и профессиональных специалистов**, и **филиальную сеть**, покрывающую всю территорию государства.

В марте вышел **Закон СССР о собственности**. Было принято постановление о превращении в **акционерное общество Жилсоцбанка**

. Готовились
к акционированию
Промстройбанк
и Агропромбанк.
Таким образом, правительство СССР предполагало сохранение их структуры
и задействовало
экономические рычаги
для сохранения
единого государства.

Николай ПЕТРАКОВ: *“В январе 1990 года я помогал Горбачеву готовиться к поездке в
Литву,
к Бразаускасу.
И предлагал
сразу пресечь
все разговоры
о республиканской
собственности. Большой театр кому принадлежит?”*

*Это вопрос не собственности, а финансирования. Другое дело — акционерные
компании.* Я

*агитировал
Горбачева создавать транснациональные компании.*

Акционировать

рижский

ВЭФ

и контрольный

пакет оставить

в Москве.

И уйдёт

от вас

Латвия,

не уйдёт —

собственность уже транснациональная,

по всем

международным правам.

А то

сейчас таллинский порт, который строила вся

страна, —

эстонский

.

Но

Горбачев

это

не воспринял,

так как вообще

плохо понимал,

что такое

акционирование

”.

Акционерные (негосударственные) союзные банки, если бы они были созданы, сломать или расчленить,

а уж

тем более

присвоить

было бы

гораздо сложнее.

И это

совершенно

не устраивало

российскую элиту. Дело было

не только

в желании

прихватить себе кусочек

чего-нибудь

,

но и в том,

что на стол

российской власти попадало лишь то,

что ей

отписывало союзное правительство.

А

власть

без денег —

это фикция

, как её

ни называй.

И пока

деньги оставались

у Горбачева,

победить его было невозможно. Сам

Горбачёв

, как считают участники этой истории, данного факта

не понимал

, предпочитая договариваться

о “нормальных
рабочих отношениях”.

12 июня была провозглашена независимость России.

Резерв российского командования

Первое, что надо было сделать, чтобы противостоять экономическому Центру, — сформировать команду из знающих и толковых специалистов, которые бы начали работать над документами по отъему собственности у СССР.

Валерий СКРИПЧЕНКО, зам. председателя подкомитета по банкам Комитета Верховного Совета РФ по бюджету и налогам:
“

**В июне
1990**

года

мне позвонил Сорвин

(начальник Свердловской областной конторы

Госбанка. —

Ред.)

и говорит:

“Слушай,

в Москве

началась приватизация специализированных государственных банков

чиновниками правительства СССР. Надо

что-то

делать. Потому

что пока

мы будем реализовывать наши

планы —

станет поздно. Основные банки будут приватизированы”.
В ближайший
приезд
в Москву
я сразу
пришел
к Ельцину
и передал
ему озабоченность земляка.
У меня
к Ельцину
тогда вход был свободный. Борис Николаевич выслушал
и говорит:
“Готовь постановление!”
Но легко
сказать: подготовить постановление!
Для этого
нужны специалисты.
Я позвонил
Олегу Тарасову (руководителю Российской республиканской конторы Госбанка)
и говорю:
“Назовите мне, пожалуйста,
15 лучших
банкиров России”. Он мне назвал.
Я позвонил
Сорвину (он
в то
время был мой главный банковский советник)
и его
тоже попросил назвать
15 лучших.
Потом сложил оба списка. Отобрал тех, которые попали
в оба,
то есть
ценились
и Москвой,
и периферией.
Значит, действительно хорошие люди. Так была сформирована рабочая группа
по разработке
Постановления Верховного Совета России
“О банках
России”.
И мы
начали писать
”.

В команду вошли **руководители региональных контор Госбанка** и некоторые **особо продвинутые владельцы коммерческих банков** из регионов.

И те

и другие

к тому же

были обижены

на союзное

московское руководство.

Владимир РАСКАЗОВ, председатель подкомитета по банкам Комитета Верховного Совета РФ по бюджету и налогам:

“

Мы

понимали,

что

участвуем

в революционном

процессе

. Идёт смена государственного

и общественно

-политического строя!

Всё — от составления списков до приглашения — было личной моей инициативой, не согласованной ни с кем.

Госбанк СССР

в то

время уже выражал

к нам

снисходительное презрение

и на контакты

с нами —

“выскачками” —

не шёл.

Они, дескать, мэтры,

и не нам,

дескать, всякой шелупони, таким серьёзным делом заниматься!

Председатель Союза промышленников и предпринимателей **Аркадий Вольский**,
который всегда

был сторонником В. В. Геращенко

, однажды

с большой

трибуны

заявил

о нас

как

о людях,

которые

не отличают

дебет

от кредита

.

Но мы

на эти

выпады внимания

не обращали

”.

Георгий ДЖАВАШВИЛИ, председатель “Форум-банка” из Челябинска: “В жаркий

полдень

12 июня

получаем известие: только

что принято

постановление Верховного Совета СССР

об акционировании

спецбанков... Мы прекрасно понимали, чем грозит это

для независимости

банков Российского государства. Ах, они

так —

тогда давайте создавать Государственный банк Российской Федерации!

Я сидел ошалевший: вот пробил час. Государственный банк Российской Федерации — эт
о же

надо! Валера как депутат-свердловчанин связывается

с Ельциным.

Ельцин дает команду: мужики,

в шесть

часов вас ждёт Силаев,
а в девять
часов —
ко мне.
Всё —
вперед, поехали!
И вот
мы, человек семь, садимся
в старый
инкассаторский “ГАЗ-53”
и едем
в Белый
дом,
на Краснопресненскую
набережную.

**Рождалось всё спонтанно. Сидели часов до двух ночи. После разговора с
Силаевым
Ельцин уже
не сомневался
в необходимости
создания Государственного банка России**

.
В принципе
**всё было
решено
в тот же
вечер**
. Надо срочно писать записку
на утверждение
Верховного Совета Российской Федерации.

Написали мы за ночь обоснование, записку для Верховного Совета. Наутро её
откорректировали, отпечатали,
а внизу —
все наши
фамилии! Юрий Агапов (председатель “Кредо-банка”) волнуется:
а нас
потом
не расстреляют?
Отдельно там было
о создании

Государственного банка Российской Федерации. Это была грандиозная бомба!

Очевидно,

с этого

дня началась история зарождения самостоятельной российской банковской системы

”

Дмитрий КУРИЛОВ, управляющий Воронежской областной конторой Госбанка СССР: “**9 июля**

1990 года

управляющий Российской республиканской конторой Госбанка Тарасов вызвал шестерых начальников областных управлений Госбанка: А. В. Бездольного (Калинин), В. В. Рудько-Селиванова (Приморье), Т. А. Пигалову (Рязань), С. В. Сорвина (Свердловск), К. Б. Шора (Москва)

и меня.

В кабинете

присутствовали, кроме Тарасова, два депутата Верховного Совета РСФСР

В. В. Скрипченко

и В. П. Рассказов.

Разговор начал Скрипченко сообщением

о том,

что Борис

Николаевич

Ельцин поставил вопрос

, как нам создать собственную российскую банковскую систему,

как вывести

из подчинения

союзного Госбанка Российский республиканский банк

.

Во второй половине дня поступило указание срочно отправиться всем в Дом правительства. Первая встреча состоялась

у Хасбулатова,

следующая —

у Явлинского.

Кстати, сильной

разницы позиций

у Хасбулатова

и Явлинского

я не заметил

, оба были озабочены действиями Центра

и искали

пути увеличения самостоятельности российских структур,

но

Хасбулатов

вел разговор

напрямую

,

а

Явлинский осторожничал

, задавал нам много вопросов, наводя нас

на ту же

мысль

”

.

Очень характерная деталь: одни из участников “заговора банкиров” принимали в нём участие с самого первого дня, других же подтаскивали в последний момент. Скорее всего, чтобы, с одной стороны, не было преждевременной утечки информации, а с другой — чтобы они придали коллективный характер заранее сформулированному и преподнесенному им практически готовым решению.

К 12 июля текст проекта постановления фактически был готов. Он начинался с преамбулы:

“

Существующая система банков является полностью принадлежностью Союза ССР, подчинена правительству СССР

и в своей

деятельности нацелена

на реализацию

политических

и экономических

мер союзных органов.

В последнее

время принимаются ускоренные шаги
к трансформации
банков, их структурных подразделений,
к законодательному
закреплению монополии банков
в руках
союзных органов власти
”.

Но главной **ударной силой** документа было предложение “**немедленно принять постановление Верховного Совета РСФСР о передаче всей действующей на территории РСФСР сети банков и их учреждений в ведение и собственность Российской Федерации**”.

От российского правительства **документ завизировали** тогдашний министр финансов Борис **Федоров, Григорий Явлинский**, как зампред, курирующий финансы и экономику, и премьер России Иван **Силаев**.

Всё было готово к штурму, который Ельцин назначил на следующий день. О чём некоторые участники “заговора банкиров” и не догадывались, полагая, что впереди у них ещё много времени для совершенствования

документов.

И хотя
решение буквально висело
на волоске,
Ельцин
не оставил
никаких сомнений
в том,
кто
в доме
хозяин.

* Здесь и далее должности лиц указаны в соответствии с занимаемыми ими постами на тот период времени. —
Ред.

Это есть наш последний и решительный бой

Валерий СКРИПЧЕНКО: *“Обсуждение назначили на субботу, 13 июля. Это было последнее заседание Верховного Совета перед отпуском Ельцина. Заседать должны были полдня, после он улетал в Прибалтику, его уже самолет ждал. Неожиданно в день заседания меня вызывает Явлинский. Мы с ним сели за стол, он и говорит: “Забери свое постановление!”. Я удивился: “Почему?”. Отвечает: “Потому что мы сейчас готовим более широкое постановление. В нём **расширим перечень того, что мы у СССР отбираем**”*

”
Я говорю:
“Я у Силаева
был вчера
в 9 вечера.
Он ничего мне
не сказал!
Когда вы успели договориться?
У меня
в зале
специалисты сидят,
все готово.
Опять же,
езде есть ваши росписи”. Он отвечает: “Так надо: делать постановление шире.
В нём
должна идти речь
и о промышленности.
Ваше постановление предупредит союзные власти
о нашем
замысле.
Мы их
этим постановлением
вспугнём
!”. Позвали Хасбулатова.
Но он
так ничью сторону
и не принял.

А Явлинский в это время нашёл в нашем документе ошибки и сделал серьёзные
грамотные замечания
по нашему
проекту постановления.
Я понял,
что он
прав,
и признал
ошибки. Григорий Алексеевич меня предупреждает: “Если ты выступишь,
то я у всех
микрофонов своих людей
поставлю —
Герщенко, Тарасова, сам встану.
В зале
ведь нет других авторитетных профессиональных банкиров.
Никто

**из депутатов
не разбирается
в этом
документе**

.
А мы
все выступим.
*Раздолбаем тебя, безграмотность постановления покажем. Поэтому лучше
не вылезай”.*

*Что делать? Я собрал несколько человек. Поставил задачу. Исправленный документ
должен был вновь пройти четыре службы Верховного Совета. В
обычных
условиях
на каждую
сутки требовалось.
Но у меня
были хорошие отношения
с аппаратом
ВС.
И поэтому
я в течение
часа всех обошёл, бумаги отредактировал, завизировал, размножил.
К двум
часам успел.
Во время
этого кросса мне попался
на пути
депутат Ткачёв.
“Я тебя
поздравляю!” —
говорит.
Я удивился:
“С чем?”.
А он
отвечает: “Твое
постановление приняли
”. Затем меня позвали
к Явлинскому.
Я беру
банкиров,
и мы
идём
в правительственное*

крыло,
к Явлинскому.
Григорий Алексеевич сидит злой, обматерил наших банкиров
за ошибки
и обращается
ко мне
с упрёком:
“Что же
ты пользуешься хорошими отношениями
с Борисом
Николаевичем
для
продвижения неграмотных документов
?”

Но я отвечаю,
что с Ельциным
не разговаривал.
Затем спрашиваю:
“Что в документе
безграмотного?”.
И даю
ему новое постановление. Когда он узнал,
что я успел
за это
время сделать, рассмеялся,
и рассказал,
как там было
”.

А было там весьма интересно. Борис Николаевич Ельцин в тот день продемонстрировал своё умение выстраивать тактику работы с парламентом так, что ему мог позавидовать самый прожженный интриган.

Виктор РУДЬКО-СИЛИВАНОВ, управляющий Приморской краевой конторой Госбанка СССР: “13 июля был последним днём заседания Верховного Совета перед летними каникулами. Вопрос должны были слушать первым, но по каким-то причинам рассмотрение откладывали.
В зале появился Иван Степанович Силаев, потом Виктор Владимирович Геращенко.

Председатель Госбанка СССР хотел выступать
в прениях,
но
почему-то
ушёл,
не дождавшись
нашего вопроса. Ушёл
из зала
и Силаев.
Как оказалось, им сообщили,
что вопрос
о Госбанке
не будет
рассматриваться.

Около 12 часов нас пригласили в большой кабинет, находящийся рядом с залом
заседания. Там уже были Хасбулатов, Воронин
и Явлинский.
И Руслан
Имранович нас спрашивает:
“Что будем
делать
с законом?”
Мы удивились такой постановке вопроса, было ведь
решение —
принимать! “Если вы хотите управлять процессом, если хотите, чтобы ваши указания
выполнялись,
то закон
должен быть
принят!” —
предъявил
я последний
аргумент.
А перед
перерывом новую версию постановления мы подготовили.
Не успев
размножить, передали её
в президиум.
Ельцин предложил принять его. Борис Федоров стал возражать, говоря,
что у него
есть более важные проекты
по денежному
обращению,
и предложил

обсудить их. Ельцин отверг это предложение
”.

Константин ШОР, управляющий Московской конторой Госбанка СССР: “На следующий день нас вызвали на заседание Верховного Совета. Мы находились за кулисами, дорабатывали текст.

К нам присоединился Г. Г. Матюхин. Посетил нас и

Г. А. Явлинский

, заявивший, что мы занимаемся “чушью”. Надо признать, что

его рыночные взгляды

в то время

считались

значительно

более рыночными, чем

у авторов

нашего закона.

И его

слова

о том,

что нельзя

заниматься реформированием банковской системы, пока страна не определится

с собственностью,

сейчас

я считаю,

были абсолютно правильными

”.

Дмитрий КУРИЛОВ: “13 июля утром нам было велено приехать в Верховный Совет на заседание.

Появился В. В. Геращенко

и вместе

с И. С. Силаевым

сел
в первый
ряд. Виктора Владимировича позвал Тарасов, он мне признался,
что накануне
заседания
не спал
всю ночь, думал,
что же
будет.

**Вопросы эмиссии, деньги, резервные
фонды —
все было
тогда
в союзном
Госбанке**
. Как повернуть такую махину!

Тем временем рассматривались вопросы, не относящиеся к банкам. Наше постановление
в повестку
дня
не попало.
Силаев
и Геращенко
первый ряд покинули. Виктор Владимирович вначале затерялся
на боковом
балконе среди прессы,
а через
некоторое время, потеряв терпение, вообще ушёл
с заседания.

И вот объявляют окончание заседания, а оно должно было быть последним в сессии,
после депутаты разъезжаются
на каникулы.
И в этот
момент Ельцин
(а он
мастак
в этих
вопросах) обращается
к залу:
“Одну минуточку, ещё один вопрос”. Зал
в замешательстве.

Борис Николаевич продолжает:

“У нас

работала группа крупных специалистов

по реформированию

банковской системы. Они подготовили постановление. Проект вам роздан”.

Кто-то

из депутатов

попытался возразить: “

Вопрос сложный, его надо обсудить, проработать

”.

Но он

тут же

был одернут Борисом Николаевичем: “

Нет необходимости обсуждать,

все уже

проработано

”. Появился Воронин (председатель комиссии ВС

по бюджету. —

Ред.)

и предпринял

попытку выйти

на трибуну

и вступить

в дискуссию.

Ельцин его решительно остановил: “Садись!”

Те, кого Явлинский расставил у микрофонов, к тому времени уже разошлись, а как констатирует один

из участников

той истории:

“Когда Ельцин так сказал, кто решится выступить

и сказать,

что

постановление это дерьмовое

?”

Впрочем, нюансы касались не только выбора времени. Ведь сохранить в тайне деятельность рабочей группы было невозможно.

И руководство

РСФСР нашло пряник

для тех,

кто мог выступить против нужного ему решения.

Юрий ТРУШИН, зампред Агропромбанка СССР: *“Помню, как мы, представители всех спецбанков, 13 июля пришли на заседание Верховного Совета. С нами был и председатель правления Госбанка СССР Геращенко. Узнали мы о рассмотрении важного вопроса, касающегося банков, буквально накануне. Проникли в зал по пригласительным билетам нашего российского филиала. Я пришёл как эксперт.*

Выступить с единой позицией мы очень просили Тарасова, возглавляющего тогда Российскую республиканскую контору Госбанка СССР. (Получается, они не знали, что Тарасов был одним из авторов проекта. — Ред.) Однако он отказался. Нам нужен был представитель российской банковской структуры, мы-то были союзные. И нас на дух не переваривали. В результате решили, что от банкиров выступит Николай Лихачев. Передали в президиум Ельцину записку с просьбой предоставить слово. Однако в планы Бориса Николаевича это не входило. Он прочитал

и скомкал
записку,
не зачитав
её.

Все было сделано очень четко и заняло секунд 17! В конце заседания Ельцин сказал примерно следующее: “Есть ещё один вопрос на рассмотрение.

Вопрос проработан,

и

**я считаю,
что за него
надо проголосовать**

”.

И всё!

**Ни одного
голоса “против”
не было**

.

Аграрники и коммунисты, которых мы поднимали на борьбу, **промолчали**. Перед этим, буквально

15

минут

назад, решением Верховного Совета была списана ссудная задолженность с сельскохозяйственных предприятий.

Не помню

точной суммы,

но на десятки

миллиардов долларов.

Депутатов купили

,

и они

после этого сидели

в благостном

состоянии.

Я потом

спрашивал Харитонову, лидера аграрников,

чего же

он голосовал

за такое

решение.

И он

мне честно ответил: “

Самостийность финансовая, банки... Непонятно мне это.

А списание

долга ясно

и близко!

”

“Есаул, есаул, что ж ты бросил коня?”

Однако последнее слово оставалось всё ещё за руководством СССР. Незадолго до описанных событий Президент СССР получил

от съезда

народных депутатов чрезвычайные полномочия, которые позволяли ему отменять

или приостанавливать

действие любых законов республик СССР, которые противоречили общесоюзному законодательству.

Мало кто сомневался

,

что

Горбачевотреагирует адекватно ситуации

.

Госбанк СССР во главе с Геращенко, во всяком случае, исходил именно из этого, когда готовил проект президентского указа, отменявшего постановление ВС РСФСР.

На совещание

у Горбачева

по этому

вопросу, как вспоминал Валентин Павлов, бывший тогда министром финансов СССР,

председатель союзного правительства Николай Иванович Рыжков

не пошёл,

а защиту

указа поручил ему. Хасбулатов, возглавлявший российскую делегацию, заявил,

что полностью

согласовал

с Ельциным

свою

позицию —

с имперскими

замашками центра покончено раз

и навсегда.

Горбачев же,

по воспоминаниям
Павлова, взял себе
на вооружение
выражение “имперские замашки”, упрекнул Геращенко
в нежелании
перенимать “мировой опыт”
и покинул
совещание, бросив
на прощание:

***Ладно, вы тут сами
без меня
решите,
у нас
ведь демократия!***
”

Немногим позднее Геращенко сообщил Павлову, что **Президент СССР не воспользовался своим правом и отказался подписывать указ**

.

До Фороса (ГКЧП в августе 1991-го) оставался год, до Беловежских соглашений ещё больше, но, **отказавшись от борьбы, Горбачев фактически уже предрешил судьбу государства**

.

Константин ШОР: ***“После того, как прозвучало, что рубль имеет границы, государство под названием СССР фактически прекратило свое существование***
”

.

7 августа председателем Госбанка РСФСР был назначен Георгий Матюхин.

Георгий МАТЮХИН: “Первая наша задача состояла в том, чтобы разбить три
банка-супермонополиста и
создать
на основе
их филиалов сеть коммерческих банков. Экономика страны была монополизирована,
и я понимал,
что если
мы
разрушим монополию банковской системы
,
то это
поможет демонополизации
в других
сферах. Это была
стратегическая задача
”.

Николай ПЕТРАКОВ, академик, помощник Президента СССР: “Началась пещерная драка
между Госбанками. Гера

Щенко

(Госбанк СССР)

ограничивал денежную массу
,

а

**национальные банки действовали безответственно
с точки**

зрения кредитно-денежной системы

, выдавая ничем
не подкрепленные
кредиты.

Тогда же

появились первые денежные суррогаты, выпускаемые республиками.

Денежная система стала разваливаться. Горбачёв

**по большому
счёту**

**не понимал,
что происходит.**

**Когда его предупреждали, он соглашался,
но не предпринимал
никаких шагов**
.

Несколько стычек произошло в августе 1990 года между Горбачевым и Ельциным по поводу золотого запаса и того, кому Якутия должна ссыпать свои алмазы. Борис Николаевич **понимал в экономике ещё меньше**, чем Горбачёв, и поэтому подсовывал на переговоры Хасбулатова. Золото, валютный резерв были для Горбачева символом, а то, что и без этого резерва его могут раздеть, он не понимал”.

Танцуют все

И **началась вакханалия**. Это позже, когда Ельцин уже был обременён полной властью, прозвучал знаменитый тезис о том, что “**демократия — это не вседозволенность**”.

Яков ДУБЕНЕЦКИЙ, председатель Промстройбанка: “Было решено закрыть головные конторы спецбанков, заставить по д дулами пистолетов филиалам превращаться в самостоятельные банки. Это было глупостью. В стране крупным предприятиям требовались для работы, в первую очередь для кредитования, крупные банки. Зачем их было разрушать ?

Я дал указание своим подчинённым не выполнять указаний Ельцина и Хасбулатова, т.к. мы союзная структура. Долго мы воевали, но сила была за ними. Вызывался руководитель нашего филиала в ЦБ, и ему приказывали — либо ты прекращаешь работать вообще, либо превращаешься в самостоятельный банк”.

Вячеслав ЗАХАРОВ, зампред Госбанка СССР: “За оставшееся до конца 1990 года время Госбанк РСФСР организовал повальное акционирование подавляющего большинства филиалов спецбанков. Уставы поспешно создаваемых на их базе коммерческих банков писались и регистрировались по несколько штук в день. Где уж тут было думать об экономической целесообразности организации, перспективах банков, “выпекаемых” со скоростью пончиков.

По существу, это означало проведение очередной кампании, которых в нашей стране и раньше было немало. Если когда-то крестьян загоняли в колхозы, то теперь всех банкиров — в коммерческие банки.

**На 1 апреля
1992 г.
в России
было
1 414 банков,
из них
767,
или 55 %,
создали
на базе
бывших спецбанков,
в основном
в конце
1990-го
”.**

Людмила ЗАЙЦЕВА, руководитель Курского отделения Жилсоцбанка: *“Постановление о коммерциализации было очень жёстким: до 1 октября упразднить российские спецбанки. Не было даже принято во внимание, что при этом нарушалось трудовое законодательство, по которому следовало предупредить людей за два месяца о предстоящем увольнении. По-революционному махнули шашкой — и баста!*

Вызвали нас в Москву. Представитель Верховного Совета РСФСР, который курировал банковскую систему, Рассказов, собрал на Житной

улице представителей спецбанков всех регионов России, центрального аппарата
Российского банка, Госбанка СССР. Рассказов разве
что ботинок
не снял
и “кузькину
мать” нам
не показывал!

Но кулаком стучал: **“Кто не коммерциализируется до 1 октября, мы всех утопим в
крови
народа!**
” Цитирую дословно,
у меня
записано
”.

Валерий СКОПИНЦЕВ, начальник Воронежского областного управления Жилсоцбанка: “
Это было
в двадцатых
числах октября
1990 года.
Здание Центрального банка
на Житной,
что рядом
с Октябрьской
площадью, было
чем-то
похоже
на Смольный
в период
Октябрьской революции: Ленин входит
в Смольный
и видит:
тут рабочие ополченцы спят, обнявшись
с винтовками,
там сгруппировались матросы, опоясанные пулеметными лентами,
а навстречу
бежит солдат
с котелком
в руке
в поисках
кипятка... Сюда,

на Житную, 12,
как
в Мекку,
стекался отовсюду российский люд, жаждущий утвердить свои коммерческие интересы
на ниве
банковского дела. Очереди, толпы,
все бегали
по кабинетам
с уставами:
тут их проверяет юрист,
здесь —
бухгалтер,
там —
кто-то
ещё.
Не у всех
все было
гладко.
И они
куда-то
звонили,
что-то
выясняли, спорили, и, устав
от повседневных
бдений, одни дремали
на столах,
другие
что-то
жевали,
а некоторые,
не мудрствуя,
на стульях
предавались объятиям Морфея. Интересная деталь:
все мы
привезли свои
уставы
, которые обсуждались
на общих
собраниях акционеров
или пайщиков,
а их
приказали
выкинуть
в корзину
. Сказали,
что наши

уставы им читать некогда. Дали нам
заготовленный текст устава
(болванку), мы вписали
в оставленные
пробелы названия банков, адрес, сумму капитала
и отдавали
на проверку.
Названия менялись
на ходу.
Мой коллега
из Смоленска
назвал свой банк “Феникс”,
а ему
сказали: “Феникс” уже есть, меняй!” Он пытается объяснить,
что он
не вправе
это сделать, потому
что так
собрание решило.
А ему:
“Тогда откатывайся назад, собирай новое собрание
и переименовывай”.
Из двух
зол он выбирает
наименьшее —
зачеркивает “Феникс”
и пишет:
“Днепр”. Мой земляк
из Воронежа
ехал регистрировать “Меркурий”,
а вернулся
с “Коопбизнесом
”.

Новорожденные коммерческие банки с первых дней столкнулись с массой проблем. Поскольку новая система создавалась росчерком пера и безальтернативно, вчерашние клиенты государственного банка автоматически становились клиентами коммерческого банка, за исключением бюджетных организаций, которые могли обслуживаться в ЦБ. И они приходили

в коммерческие
банки
со своими
безрадостными
атрибутами —
огромной ссудной задолженностью бывшим спецбанкам. Ведь
к тому
времени предприятия были обеспечены оборотными средствами
в среднем
на 30 %.

Остальное замещалось кредитом.

Но когда
собственность банков отделилась
от собственности
клиентов, то, как
сказал бы
принц Гамлет: “
распалась связь времён
”. Коммерческие банки уже
не могли
продолжать кредитные отношения такими, какими они были
в условиях
государственной собственности.

А
незащищенность банков открыла двери перед криминалом

.
Но самое
главное заключалось
в том,
что

**в результате
“спецоперации”, которую можно назвать “заговором банкиров”, СССР остался
без финансов
и лишился
реальных экономических рычагов воздействия
на республики**

. Счёт остатка его жизни пошёл
на дни.